

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

А.В. Коршунов,

заместитель начальника кафедры
уголовного процесса ФГКОУ ВПО ВСИ
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Д.Г. Шашин,

заместитель начальника кафедры
общеправовых дисциплин
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

В данной статье рассматриваются проблемы производства проверки заявлений и сообщений о преступлениях по уголовно-процессуальному законодательству России и Монголии.

*This article describes the problems of verification of statements and reports of crimes in the criminal procedure law in Russia and Mongolia**

Актуальность изучения законодательства стран Азиатско-тихоокеанского региона (далее по тексту – АТР) и России обусловлена тем, что они основываются во многом на одинаковых принципах. Так, например, в соответствии со ст. 1 Конституции Монголии обеспечение демократии, справедливости, свободы, равенства, национального согласия и верховенства закона – основной принцип деятельности современного монгольского государства. В свою очередь, Конституция РФ в ст. 2 гарантирует, что человек, его права и свободы, в том числе право на свободу и личную неприкосновенность, являются высшей ценностью современного российского государства, и эти принципы основных законов изучаемых стран сближают их.

* Korshunov A., Shashin D. Criminal procedure law of Mongolia and Russia: some issues the preliminary verification.

Уголовно-процессуальный кодекс Монголии (далее по тексту - УПК Монголии) принят 10 января 2001 года и вступил в действие с 1 сентября 2002 года, а Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее - УПК РФ) принят 18 декабря 2001 года и вступил в силу 01 июля 2002 года, то есть почти в одно время.

В контексте данной статьи нам представляется интересным провести сравнительно-правовой анализ мер, принимаемых правоохранительными органами рассматриваемых стран по проверке сообщений о преступлениях. В этой сфере общественных отношений традиционно имеются проблемы, требующие изучения, осмысления и решения, что поможет нам понять проблемы уголовного процесса России и по возможности предложить их решение.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] в очередной раз существенно изменена редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ[2], которая теперь выглядит следующим образом:

«1. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения.

При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Как и УПК РФ, УПК Монголии содержит перечень возможных действий (процедур проверки сообщений о преступлении) для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в таком (ст.172 УПК Монголии). Так, следователь или дознаватель может:

- проверять документы для установления личности человека;
- производить личный осмотр, осмотр транспортного средства и багажа;
- опечатывать помещения, имущество, активы или финансовые средства коммерческих структур, организаций и граждан;

- налагать временный арест на транспортные средства, товары или финансовые средства;

- получать образцы, отпечатки пальцев, предметы, требуемые для выполнения судебно-медицинской и иных экспертиз.

- получать объяснения от граждан и должностных лиц;

- устанавливать контроль за входом и выходом из помещений и территорий;

- проникать в жилища и помещения граждан и организаций в процессе пресечения преступления и задержания преступника;

- проверять, применялись ли алкогольные, наркотические или ядовитые вещества.

- производить арест лица, подозреваемого в совершении преступления.

Из приведенного перечня возможных действий должностных лиц можно увидеть существенные отличия в полномочиях по проверке сообщений о преступлениях в России и Монголии, хотя заметны и некоторые сходства.

Анализ УПК РФ и УПК Монголии позволяет выявить такие различия законодательной регламентации производства проверки сообщения о преступлении как срок проверки. Это 3 суток и 5 суток соответственно, а также дополнительные сроки 10 (30) суток (УПК РФ) и 14 суток (УПК Монголии). При этом УПК Монголии не содержит норм о продлении срока проверки более чем на 14 суток – решение должно быть принято по истечении именно этого периода времени. Ос-

нования продления основного срока проверки (3 и 5 суток) также несколько различны. Статья 171.2 УПК Монголии устанавливает, что срок проверки (5 суток) может быть продлен до 14 дней в случаях, когда для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо получить дополнительные объяснения, документы и другие материалы или произвести осмотр места преступления, тогда как ч. 3 ст. 144 УПК РФ лишь ограничивается указанием на то, что руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок, установленный ч. 1 ст. 144 УПК РФ. То есть в российском законе оснований или мотивов продления срока проверки сообщений о преступлении до 10 суток попросту нет. Практика, очевидно, подсказывает сама такие основания и это, как правило, также необходимость получения каких-либо материалов, справок (например об ущербе), объяснений и т.д.

Однако УПК РФ устанавливает четкие основания для продления срока проверки до 30 суток: необходимость производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий. При этом при продлении необходимо указать на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для этого.

УПК РФ устанавливает, что ходатайство о продлении оформляется мотивированным постановлением следователя перед руководителем следственного органа или дознавателем перед прокурором, а УПК Монголии не определяет – ни каким документом оформляется продление, ни кому оно могло бы быть адресовано.

В качестве вывода можно отметить, что УПК РФ более детально прописывает деятельность следователей и дознавателей по проверке сообщений о преступлениях, нежели УПК Монголии.

В соответствии с поставленной целью работы, а именно – изучение, осмысление, понимание проблем уголовного процесса России и по возможности, формирования предложений по их разрешению, мы считаем необходимым углубиться в анализ УПК РФ по данной проблеме.

Итак, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ были предусмотрены изменения ст. 144 УПК РФ, предусматривающей порядок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях. В некотором смысле эти изменения можно назвать революционными.

Так, следует признать правильным включение в ч. 1.1. ст. 144 положения о возможности получать образцы для сравнительного исследования, а также назначать и производить экспертизу до возбуждения уголовного дела. Этим положениям корреспондируют и ст. 195, 202 УПК РФ. Извечная проблема соотношения «предварительного исследования» и судебной экспертизы,

казалось бы, разрешена. Действительно, нет смысла проводить «непроцессуальное» исследование предметов, документов, когда имеется возможность назначить экспертизу. Во-первых, это уменьшает нагрузку на экспертные учреждения, так как нет необходимости фактически дважды проводить одну и ту же работу. Во-вторых, наконец-то решена проблема с доказательственным значением результатов тех экспертных исследований, которые проводились по уже несуществующим объектам. Речь идет, в первую очередь, о наркотических средствах и психотропных веществах, которые в результате проведенного исследования до возбуждения уголовного дела оказывались уничтожены. Экспертиза после возбуждения уголовного дела проводилась фактически без самих объектов исследования. Применявшиеся для обеспечения доказательственного значения таких заключений приемы можно было охарактеризовать одним выражением – «от лукавого» [3]. В настоящее время назначение и производство экспертизы возможно до возбуждения уголовного дела, поэтому описанная выше проблема, по нашему мнению решена.

Вместе с тем нельзя не признать наличие в указанных изменениях спорных вопросов и противоречий, которые отнюдь не способствуют оптимизации и совершенствованию правоприменительной практики. Так, ч. 1.1 УПК РФ предусматривает положение, в соответствии с которым лицам, участвующим в произ-

водстве *процессуальных* (выделено нами – А. К., Д. Ш) действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги), близких родственников.

В соответствии с п. 32 ст. 5 УПК РФ процессуальное действие – следственное, судебное или иное действие, предусмотренное нормами УПК РФ.

Однако из процессуальных действий (т. е. действий, порядок производства которых регламентирован УПК РФ) в ч. 1 ст. 144 УПК можно выделить лишь следующие:

- получение образцов для сравнительного исследования;
- назначение и производство экспертизы;
- производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов,
- освидетельствование.

Очевидно, что право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги), близких родственников в указанных следственных действиях практически не реализуемо. Это право обеспечивается должностными лицами при допросе (очной ставке и др.), а в рамках доследственной проверки – при получении объяснений. Получение же объяснений процессуальным дей-

ствием не является. Очевидно, что рассматриваемое право должно быть законодательно распространено и на непроцессуальные действия в стадии возбуждения уголовного дела.

Другая проблема – декларированная законодателем возможность использования полученных в ходе проверки сообщений о преступлениях сведений в доказывании. В ч. 1.2. ст. 144 УПК сказано, что такие сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. ст. 75, 89 УПК РФ. В связи с этим возникает ряд вопросов. В соответствии со ст. 75 УПК доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Возникает вопрос: можно ли соблюсти требования, предъявляемые к порядку проведения непроцессуальных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК, если закон их (эти действия) попросту не предусматривает? Получение объяснений, истребование и изъятие предметов и документов, их исследование – все эти действия не регламентированы уголовно-процессуальным законом. Можно ли соблюдать требования, предъявляемые к несуществующим действиям? Или правоохранительные органы должны применять закон по аналогии? При получении объяснений пользоваться нормами, регламентирующими порядок производства допроса, при изъятии предметов и документов – выемки и т. д.

На наш взгляд, при ответе на эти вопросы сначала необходимо ответить на более глобальный – отно-

сятся ли указанные изменения ко всем уголовно-процессуальным процедурам («обычному» дознанию, предварительному следствию) или только к вновь введенному дознанию в сокращенной форме, предусмотренному главой 32.1 УПК РФ? Ведь именно нормы этой главы (а именно – ст. 226.5) корреспондируют положениям ст. 144. Очевидно, нет, в противном случае об этом было бы указано в самой ст. 144 УПК. Иначе говоря, материалы доследственной проверки могут быть использованы в качестве доказательств и при производстве предварительного следствия, и при производстве дознания. Но возможно ли соблюдать требования УПК РФ при производстве указанных выше непроцессуальных действий? Ответ отрицательный. На наш взгляд, выходом в данной ситуации будет включение в ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ положения о том, что результаты таких непроцессуальных действий могут быть доказательствами только при расследовании уголовных дел в форме сокращенного дознания.

Несколько абстрагируясь от этого вывода, можно задаться еще одним вопросом – каково соотношение доказательственного значения результатов исследования предметов и документов и заключения эксперта? С одной стороны, возможность назначения и производства экспертизы до возбуждения уголовного дела влечет ненужность проведения различных «предварительных» исследований. Зачем проводить медицинское освидетельствование трупа, если можно сразу

назначить судебно-медицинскую экспертизу? С другой стороны, при расследовании определенных категорий уголовных дел без такого исследования, пожалуй, не обойтись. Речь идет, например, о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, когда путем экспресс-анализов необходимо быстро сделать вывод о наличии/отсутствии, виде наркотического вещества. «Полноценная» экспертиза требует большего времени. В принципе, такой порядок (проведение исследования до возбуждения уголовного дела и судебной экспертизы после) применялся и раньше, но сейчас, в силу ч. 1.2. ст. 144 УПК возникает резонный вопрос о необходимости производства судебной экспертизы после проведения исследования, в том числе по делам других категорий.

На наш взгляд, результаты исследования, проведенного в рамках доследственной проверки, не могут быть доказательствами. Если до возбуждения уголовного дела необходимо провести «полноценное» исследование (установление причин смерти, характера телесных повреждений, пригодность оружия для стрельбы и т. д.), то оно должно производиться только в рамках судебной экспертизы. Если же результаты исследования носят промежуточный характер и необходимы лишь для того, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии основания для возбуждения уголовного дела (установление вида, размера наркотического средства, признаков подделки документов, нали-

чия/отсутствия загрязнения почвы или воздуха и т. д.), то после возбуждения уголовного дела в любом случае необходимо назначить соответствующую экспертизу.

Другой вопрос, связанный с производством экспертиз – возможность производства до возбуждения уголовного дела экспертиз, ущемляющих конституционные права граждан и, соответственно, требующих судебного решения. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 203 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый, не содержащийся под стражей, помещается в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. Но и амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза имеет значительный «элемент принудительности» и, безусловно, ущемляет права подэкспертных. На наш взгляд, в рассматриваемой стадии уголовного процесса, когда еще не решен принципиальный вопрос о возбуждении уголовного дела, недопустимо столь существенное ограничение конституционных прав граждан. Таким образом, в ст. 144 необходимо установить запрет на производство любых судебно-психиатрических и стационарных судебно-медицинских экспертиз.

Наконец, вызывает вопросы положение ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ, предусматривающее, что если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет

заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Возникает вопрос – как потерпевший (который, к слову, в стадии возбуждения уголовного дела еще не признается таковым, правильней будет его называть – пострадавший) впоследствии узнает о том, что до возбуждения дела была назначена экспертиза? Ведь в п. 11 ч. 2 ст. 42 УПК речь идет о возможности потерпевшего ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта лишь в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 198 УПК, т. е. когда экспертиза проводилась в отношении него. В остальных случаях он лишен такой возможности. Не говорится об обязанности дознавателя уведомлять потерпевшего о проведенной до возбуждения уголовного дела экспертизе (исследовании) и при производстве дознания в сокращенной форме (ст. ст. 226.3, 226.5 УПК), хотя, как говорилось выше, положения ч. ч. 1.1., 1.2 ст. 144 УПК должны, в первую очередь, относиться именно к этой форме предварительного расследования.

Подводя итог, необходимо сказать следующее. Мы уверены в том, что в рассматриваемом федеральном законе можно и нужно было устранять уже давно существующие (и широко обсуждаемые юристами) недостатки правового регулирования этой стадии уголовного процесса: вопросы проведения освидетельствования до возбуждения уголовного дела, проблемы доказательственного значения резуль-

татов исследования специалиста, соотношение фактического и процессуального задержания подозреваемого и т. д. Вместо этого мы получили очередную порцию абсолютно «сырых», малопригодных для беспроblemного практического применения норм, которые требуют еще более тщательной «отладки». Хочется надеяться, что в процессе последующей работы над Уголовно-процессуальным кодексом России законодатель учтет имеющиеся недоработки и устранит их.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российская газета. 6 марта 2013 г. № 48 (6024).

2. Процессуальные проблемы участия специалиста в расследовании уголовного дела / Д.Г. Шашин // Деятельность правоохранительных органов и федеральной противопожарной службы в современных условиях: проблемы и перспективы развития: Материалы 15 Международ. науч.-практ. конф. – Иркутск: ФГОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 2010. – С. 301-304.

3. В таких случаях эксперт отражал в своем заключении факт уничтожения исследуемого вещества на предварительном исследовании (если он сам его проводил). Кроме того, в некоторых правоохранительных органах была распространена практика приобщения справки специалиста в качестве вещественного доказательства. Разумеется, оба эти варианта были весьма спорными и абсолютно не вязались с принятыми нормами процесса доказывания.